

О ВОЩИНИНЕ В. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВОЩИНИН Владимир Платонович. Профессор ЛГУ, в 1926 — принимал активное участие в работе по составлению проекта орошения Голодной степи. В 1931 — арестован по групповому делу, обвинялся во вредительстве, 23 августа 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ, содержался при Техническом бюро № 1.

В мае 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Т. А. Ельченкова.

<11 мая 1932>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне, мне кажется, что тот, кто открыто и безоговорочно сам осудил себя за прежние, давно минувшие экологические наблюдения, никому вреда не принесшие, могли бы в решающее время строительства социализма быть полезным Союзу. Я знаю случаи, когда ОГПУ возвращает тех работников, которые ей нужны именно теперь, в искренности которых уже нельзя усомниться. Вот почему я обращаюсь к Вам с просьбой, походатайствовать и помочь моему мужу, бывшему профессору Ленингр<адского> Гос<ударственного> Университета Владимиру Платоновичу Вощину, приговоренному Коллегией 23 августа 1931 г<ода>, дело № 2812, за участие в работе по составлению проекта орошения Голодной степи 1926 г<ода>, проф<ессора> Ризенкамнера, в настоящее время освобожденным, — к 10 годам заключения.

Горячо прошу Вас не отнестись формально к моей просьбе. Я не смела бы ее возбудить, если бы не знала так хорошо своего мужа, его работ и взглядов за последние пять лет совместной жизни, — он во всем всегда за последние годы стремился лишь к одному — к работе на пользу нового общества, к полному слиянию с ним, к коренной своей переработке.

На пороге успеха он был арестован. И вот за психологию давнего прошлого, не за дела, которых не было и быть не могло, а за прямое и честное признание, за то, что он не побоялся вскрыть свои давно тяготившие его мысли, — за это такой приговор!

По окончании следствия его следователь открыто разрешил ему передать мне и его детям (больная туберкулезная дочь — полуинвалид и сын — ученик техникума), что на него, отнюдь, не смотрят, как на преступника, что он весьма скоро, надо полагать, будет на свободе. Вслед за тем — приговор из Москвы, ставящий его в ряды не возвращающихся к жизни. Ему вменено лишь одно: вредительство, пункт 7, — то самое, чего ни на словах, ни на деле он делать не мог по всей своей натуре. Может ли без слов и без дел человек быть признан вредителем?

Учтите глубокую индивидуальность этого человека, в честности и особой болезненной искренности которого никогда никто не сомневался, и вот на пути новой своей дороги он оказался в тюрьме.

При всех наличных условиях (мой муж содержится при Тех<ническом> Бюро № 1 в Ленинграде) его состояние отчаянно. Он ощущает, что ум его гибнет, что он за решетками не в состоянии дать стране все то полезное, что он мог бы дать на свободе, его мысли теряются в недоуменных вопросах, в постоянном страдании за судьбу семьи и детей. Ни у него, ни у меня нет никаких связей. Мы в этом отношении одиноки. Но я и дети безгранично верим в справедливость ОГПУ, если случаются неизбежные недоразумения, как бы неприятны они не были, то я знаю, что само ОГПУ обнаружив их, ликвидирует такие недоразумения.

Екатерина Павловна, я вновь и вновь прошу, со всей силой убеждения в безупречной честности моего мужа и полезности его нашей стране, помогите вернуть его мне и семье, дайте ему вновь возможность свободно работать на пользу Союзу.

Т. Ельченкова

11 мая 1932 г<ода>.

Ленинград, ул<ица> Красных зорь, 1/3, кв. 29а.

Т. А. Ельченкова»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 721. С. 182. Автограф.